



АЛЕКС СКАЙ

НЕНУЖНАЯ ИСТИННАЯ  
ПАЛАЧА-ДРАКОНА

ПОПАДАНКА, СПАСИ МОИХ ТАЙНЫХ ДЕТЕЙ!

Алекс Скай

**Ненужная истинная  
палача-дракона**

«Литнет»

2026

**Скай А.**

Ненужная истинная палача-дракона / А. Скай — «Литнет», 2026

Попаданка, спаси моих тайных детей! Он публично разорвал нашу истинную связь и назвал меня предательницей. Только я — не Селеста Арвен. Я Яна Северина, обычная женщина из другого мира, которая очнулась в её теле прямо в зале суда. Все вокруг уверены: я продала тайны рода Кроу, предала палача-дракона и пыталась украсть его тайных детей. Дариан Кроу должен был вынести мне приговор. Но вместо смерти он отправил меня в Чёрную башню — к троим детям, которых Совет хочет стереть из родовой памяти. Теон слышит клятвы крови. Майра видит страшные дороги будущего. Маленькая Энни открывает закрытые двери — даже те, за которыми лучше бы никто не стоял. Дети боятся собственного отца. Башня признаёт меня хозяйкой. Совет идёт за нами. А Дариан, холодный, опасный и слишком долго веривший закону больше, чем сердцу, впервые должен выбрать: трон, долг — или семью, которую он почти потерял. Я не знаю, почему попала в это тело. Но если эти дети зовут меня мамой — я не отдам их никому.

© Скай А., 2026

© Литнет, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Ненужная истинная                 | 5  |
| Дети без имени                    | 19 |
| Палач, который боится своих детей | 35 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 36 |

## Ненужная истинная

— Селеста Арвен, поднимите голову. Корона желает видеть лицо предательницы перед тем, как вынесет милость.

Яна пришла в себя от чужого имени.

Оно ударило не по слуху, а будто прямо по коже — холодно, резко, с такой уверенностью, словно принадлежало ей с рождения. Она попыталась вдохнуть и захлебнулась морозным воздухом, пахнувшим мокрым камнем, металлом и дымом. Ладони упирались в пол. Под пальцами были не линолеум, не паркет и не мягкий ворс ковра, а грубо отёсанные плиты, влажные от зимней сырости. Колени горели от боли. На запястьях что-то тянуло вниз.

Цепи.

Не обычные. Тонкие, серебряные, почти красивые, будто украшения для невесты, если бы украшения умели жечь до костей. Каждое звено было исписано крошечными знаками, которые вспыхивали при малейшем движении, и зал отвечал на это едва слышным перешёптыванием.

Яна медленно подняла голову.

И едва не закричала.

Над ней поднимался зал, которого не могло быть. Слишком высокий, слишком мрачный, слишком настоящий, чтобы оказаться декорацией или сном. Чёрные колонны уходили вверх, теряясь в сумраке под сводами. На каменных стенах висели тяжёлые полотнища с вышитыми драконами: серебряные крылья, раскрытые пасти, короны над шипастыми головами. Между колоннами стояли люди в тёмных мантиях, их лица скрывали полумаски из матового металла. Выше, на резных балконах, теснилась знать: бледные женщины с алмазными сетками в волосах, мужчины в мундирах с высокими воротниками, юноши, которые смотрели на неё не с жалостью, а с жадным любопытством.

Как на казнь.

Слово само всплыло в голове, и от него стало хуже.

Яна дёрнулась, пытаясь встать, но серебряные цепи натянулись и звякнули так тонко, что по залу прокатился шёпот, похожий на шорох сухих листьев.

— Смотрите, — произнёс кто-то справа. Голос был женский, звонкий и презрительный. — Даже сейчас играет невинность.

— Тише, лоредиана, — ответил другой голос, старческий, но крепкий. — Пусть круг истины услышит её дыхание.

Круг истины?

Яна посмотрела вниз и только теперь увидела, что стоит на коленях внутри огромного знака, выложенного в полу тёмным камнем. Знак напоминал расправленные крылья, перерезанные цепью. По краям круга мерцали серебряные искры. Они тянулись к её коже, будто пробовали её на вкус.

Нет. Этого не может быть.

Последнее, что она помнила, — мокрый асфальт, фары, резкий визг тормозов, сумка, выскользнувшая из руки. Она помнила, как упала, помнила холод на щеке и чей-то крик. Потом темнота. И теперь — зал, драконы на стенах, цепи на запястьях и чужое имя, которым её только что называли.

Она ухватила за эту память, как за край обрыва: мокрая дорога, дешёвый брелок на ключах, недописанное сообщение в телефоне, собственное имя — Яна Северина. Обычные вещи вдруг стали доказательствами того, что она была живой до этого зала. Не преступницей.

Не Селестой Арвен. Просто женщиной, которую вырвали из её мира и поставили на колени перед чужим приговором.

Селеста Арвен.

Яна попыталась сказать: «Я не Селеста». Но горло сжалось, как будто невидимая ладонь сомкнулась на нём. Вместо слов вырвался только сиплый вдох. Зал оживился.

— Она молчит, — сказал старик в мантии, стоявший на возвышении перед ней. Его маска была не полной: она закрывала только левую половину лица, оставляя видимым тонкий рот и подбородок с седой бородой. — Молчание в круге истины не смягчает вины, Селеста Арвен.

— Какая вина? — всё-таки выдавила Яна.

Голос был не её.

Ниже. Мягче. С едва заметной хрипотцой, будто это тело долго кричало, а потом перестало. Яна услышала его и отшатнулась бы, если бы цепи позволили. В тот же миг на её запястье вспыхнуло что-то горячее.

Она опустила взгляд.

Под серебряным браслетом цепи проступала метка — тонкий чёрный знак, похожий на драконье крыло, пронзённое линией. Он пульсировал под кожей, словно живой. От каждого удара метки по руке расходился холод, доходил до груди и там, у самого сердца, оборачивался странной, почти невыносимой пустотой.

Кто-то на балконе тихо рассмеялся.

— Какая вина? — повторил старик. — Удобный вопрос для женщины, которая продала тайну рода Кроу Совету Пепельных Домов, попыталась вывести из-под защиты короны троих незаконнорождённых детей и нарушила истинную клятву с тем, кому принадлежала по крови, слову и судьбе.

Яна перестала дышать.

Троих детей?

Род Кроу?

Истинная клятва?

Каждое слово было незнакомым и страшным, но зал воспринимал их как очевидность. Никто не удивлялся. Никто не спрашивал, понимает ли обвиняемая, в чём её вина. Все смотрели так, будто приговор уже состоялся, а эта сцена нужна только для красоты закона.

— Я ничего не продавала, — сказала она, цепляясь за единственную правду, которая у неё была. — Я не знаю, о чём вы говорите.

На этот раз смех прошёл по залу открыто.

Не громкий, не весёлый — воспитанный, холодный, как звон бокалов над чужой могилой.

— Круг не вспыхнул, — заметил кто-то из бокового ряда.

— Потому что она говорит не о факте, а о знании, — отозвался старик. — Ложь умеет прятаться даже в растерянности, если женщина достаточно искусна.

Яна посмотрела на него с такой яростью, что серебро на запястьях снова вспыхнуло.

— Я не понимаю, где я. Кто вы? Почему я в цепях?

— Довольно, — произнесла женщина в чёрной мантии, стоявшая у второго возвышения.

Она не скрывала лицо. Красивая, высокая, с гладкими тёмными волосами и глазами цвета мокрой стали. Улыбка у неё была безупречной — такой улыбаются не людям, а документам, которые уже подписаны.

— Совет услышал достаточно, верховный советник. Селеста Арвен была предупреждена трижды. Ей предлагали признаться. Ей предлагали назвать сообщников. Ей предлагали добровольно отказаться от прав на связь с домом Кроу. Она выбрала насмешку над законом.

Яна перевела взгляд с женщины на старика.

Верховный советник.

Значит, он здесь главный. Или делает вид.

— Я не выбирала, — сказала она, чувствуя, как голос дрожит, но не давая ему сорваться. — Я только что очнулась. Вы обвиняете меня в том, чего я не помню и не совершала.

— Не помните? — Женщина мягко склонила голову. — Как удобно. Но дети тоже не должны были помнить свои имена, леди Арвен. Однако вы зачем-то научили их отвечать на зов крови.

Зал ахнул.

Яна не поняла, что означают эти слова, но поняла главное: женщина ударила точно туда, куда хотела. Слово «дети» заставило одних зрителей податься вперёд, других — спрятать лица за веерами. На возвышении несколько мантий зашевелились, как вороны на ветру.

— Лоредиана Вельза Морн, — произнёс верховный советник с лёгким укором, — Совет не озвучивал закрытую часть обвинения.

— Прошу прощения, — сказала женщина без тени раскаяния. — Но когда речь идёт о безопасности короны, молчание становится почти соучастием.

Яна запомнила имя.

Вельза Морн.

Не потому, что понимала, кто эта женщина. Потому что та смотрела на неё с таким спокойным удовлетворением, будто видела не живого человека, а удачно захлопнувшуюся ловушку.

Слева гулко ударили посохом о камень.

— Привести палача короны.

Шёпот оборвался.

Не стих — именно оборвался, будто невидимый нож прошёл по залу. Даже дождь за высокими узкими окнами стал слышнее. Он бил по стеклу косыми струями, и от каждого удара в воздухе дрожали отражения драконьих гербов.

Яна почувствовала, как толпа меняется.

До этого на неё смотрели с презрением, любопытством, злостью. Теперь все взгляды разом ушли к высоким дверям в конце зала. Даже Вельза Морн повернула голову. Даже верховный советник выпрямился.

Двери открылись без скрипа.

В зал вошёл мужчина.

Яна увидела сначала плащ — тяжёлый, чёрный, с серебряной застёжкой в форме раскрытого крыла. Потом сапоги, оставляющие на мокром камне тёмные следы. Потом руки в перчатках из плотной кожи. Широкие плечи. Высокую фигуру. Лицо, которое показалось бы вырезанным из холодного мрамора, если бы в нём не было столько сдержанной, почти смертельной усталости.

Он шёл медленно, и зал отступал перед ним без единого приказа.

У него были чёрные волосы, убранные назад, резкие скулы и глаза, от которых у Яны сжалось сердце. Не просто тёмные. Чёрные, с золотым огнём глубоко внутри, будто за человеческим взглядом спал кто-то огромный и древний.

Дракон.

Мысль пришла не как догадка, а как удар чужой памяти. Тело Селесты узнало его раньше, чем Яна успела испугаться. Метка на запястье вспыхнула, цепи ответили ей тонким звоном, а в груди разлилась такая боль, что Яна на мгновение потеряла зал, голоса, лица.

Она знала его.

Нет, не она.

Это тело знало.

Оно помнило прикосновение его пальцев к ладони, низкий голос у самого виска, жар чужого дыхания в зимнем саду, обещание, произнесённое тихо и страшно серьёзно: «Если весь мир назовёт тебя ложью, я узнаю тебя по сердцу».

От этого обрывка стало страшнее, чем от цепей. Потому что память была не её, а боль — её. Тело тянулось к мужчине у края круга, словно к спасению, а разум Яны уже видел в его глазах не спасителя, а того, кто может одним словом сделать приговор окончательным.

Яна вздрогнула.

Воспоминание исчезло так же резко, как появилось, оставив после себя привкус пепла.

Мужчина остановился у края круга.

— Дариан Кроу, палач короны, глава Чёрного дома, — объявил страж у дверей. — Вызван Советом для завершения дела Селесты Арвен.

Дариан.

Имя пришлось по залу волной. У кого-то на балконе дрогнул веер. Кто-то опустил глаза. Кто-то, наоборот, вытянул шею, стараясь не упустить ни одного движения.

Дариан Кроу не смотрел на них.

Он смотрел на Яну.

Нет, на Селесту.

Так смотрят на дверь комнаты, где когда-то умерло всё важное, а войти всё равно придётся.

Яна заставила себя не опустить взгляд. Ей хотелось спрятаться от этих глаз, но ещё сильнее хотелось понять, почему от них внутри одновременно холодно и больно. Почему сердце, чужое или уже её собственное, ударило так, будто ждало его и боялось.

— Лорд Кроу, — произнёс верховный советник, — вы слышали обвинения.

— Слышал.

Голос у Дариана был низкий, ровный и опасно спокойный. Не громкий, но его услышали даже наверху. В нём не было ни спешки, ни злости, ни торжества. И от этого становилось страшнее.

— Вы признаёте Селесту Арвен своей истинной? — спросил советник.

Зал снова затаил дыхание.

Яна хотела спросить, что значит «истинной». Хотела потребовать объяснений, защитника, хоть кого-нибудь, кто поверит, что она не отсюда, что её зовут Яна, что вчера она спорила с кассиршей из-за пробитого дважды йогурта, а не продавала тайны драконьих родов. Но слова застряли в горле, потому что Дариан молчал.

Он смотрел на метку на её запястье.

На мгновение его лицо стало совсем неподвижным. Только пальцы правой руки сжались так сильно, что кожа перчатки натянулась на костяшках.

— Признавал, — сказал он.

Одно слово.

Зал получил его как подарок.

Вельза Морн чуть заметно улыбнулась.

Яна почувствовала, как в груди что-то оборвалось. Не её чувство, не её память — и всё равно боль была настоящей. Тело Селесты отреагировало раньше разума: пальцы вцепились в край цепи, дыхание сбилось, к глазам подступила горячая влага.

Предательство.

Откуда это слово? Почему оно было таким личным?

— Дариан, — произнесла Яна прежде, чем успела остановиться.

Он вздрогнул.

Едва заметно. Так, что, возможно, никто в зале не увидел. Но она увидела. Его взгляд на долю мгновения стал другим — не мягким, нет, до мягкости там было далеко, но живым. Больным. А потом он закрылся.

— Не называй меня так, — сказал он.

Слова были тихими. Для неё. Но круг подхватил их и разнёс по залу.

На балконах зашептались.

Яна судорожно вдохнула.

— Я не знаю, что произошло между вами и... — она споткнулась на имени, которое теперь принадлежало ей, — между тобой и Селестой. Но я не та, кого вы судите.

— Конечно, — произнесла Вельза Морн. — Теперь она не та. Очень своевременно.

— Лоредиана, — Дариан даже не повернул головы, но женщина умолкла.

В этом было что-то странное. Она явно ждала его решения, но боялась переборщить. Бояться мужчину, который ещё ничего не сделал, — значит, знать, на что он способен.

Дариан шагнул ближе к кругу. Серебряные искры поднялись, не позволяя ему войти внутрь.

— Посмотри на меня, Селеста.

Яна и так смотрела. Но при этих словах тело снова отозвалось — слишком послушно, слишком больно. Она ненавидела эту чужую слабость. Ненавидела то, что в ней уже были защиты от ответа, которых она не выбирала.

— Я смотрю.

— Ты знала, где спрятаны дети?

— Нет.

Круг молчал.

Дариан опустил взгляд на серебряные знаки у её колен. Потом снова на неё.

— Ты передала их имена Совету?

— Нет.

Круг снова не вспыхнул ложью. Только по его краю пробежала слабая дрожь, будто древний камень пытался прислушаться глубже, чем умел.

В зале стало беспокойно.

— Она отвечает обтекаемо, — вмешался верховный советник. — Возможно, память действительно повреждена страхом, но вина не исчезает от забвения.

— Удобный закон, — вырвалось у Яны. — Можно обвинить кого угодно, а если человек не помнит, значит, виноват ещё сильнее.

Несколько человек ахнули. Один из стражей шагнул к ней, но Дариан поднял руку, и страж остановился.

— Ты всегда умела говорить так, будто правда обязана встать на твою сторону только потому, что тебе больно, — сказал Дариан.

В этих словах было столько старой обиды, что Яна на миг перестала злиться. Она услышала не палача, не судью, не дракона, а мужчину, которого когда-то ударили туда, где не было брони.

Но потом он добавил:

— Больше это не работает.

И жалость умерла, не успев родиться.

— Тогда не слушай меня, — сказала она, чувствуя, как страх внутри превращается во что-то горячее и упрямое. — Слушай свой круг. Или он здесь только для красоты?

По залу прошёл возмущённый шум.

Вельза Морн побледнела от ярости, но верховный советник неожиданно улыбнулся.

— Смелость перед концом выглядит почти достойно, леди Арвен. Жаль, что вы нашли её слишком поздно.

— Я не ваша леди.

— Нет, — сказал Дариан. — Уже нет.

Он снял правую перчатку.

Это простое движение почему-то напугало Яну сильнее всех обвинений. В зале стало так тихо, что она услышала, как где-то наверху капля дождя сорвалась с рамы и упала на камень.

На ладони Дариана была метка, похожая на ту, что горела у неё на запястье. Только его знак был темнее, глубже, будто выжжен не на коже, а под ней. Когда он протянул руку к кругу, серебряные искры взвились, но не оттолкнули его. Наоборот, расступились.

Яна отпрянула.

— Что вы делаете?

— То, чего Совет ждал с рассвета, — ответил верховный советник.

— То, что должен был сделать раньше, — сказал Дариан.

Он вошёл в круг.

Серебро цепей на её руках разом натянулось, метка вспыхнула нестерпимым жаром. Яна стиснула зубы, чтобы не закричать. Дариан оказался совсем близко. От него пахло дождём, дымом и зимним ветром, будто он принёс в зал бурю и держал её под кожей.

Он наклонился, взял её запястье.

Не грубо. Не нежно. Так, будто каждое прикосновение давалось ему тяжелее удара.

— Селеста Арвен, — произнёс он официально, и от этого стало особенно больно, — истинная, избранная кровью дракона, принятая домом Кроу и отвергнутая им перед лицом короны.

Слова ложились в воздух чёрными печатями.

Яна попыталась вырвать руку.

— Не смейте. Я не давала согласия.

В его глазах полыхнул золотой огонь.

— Ты дала его в тот день, когда поклялась хранить мой дом.

— Я этого не помню.

— А я помню всё.

Последнее слово прозвучало почти беззвучно.

Она увидела, как дрогнула жилка у него на виске. Как нижняя челюсть сжалась. Как на мгновение взгляд скользнул не к её лицу, а ниже, туда, где под чужим платьем бешено билось сердце.

Он не был равнодушен.

Но это не спасало.

Дариан провёл большим пальцем по её метке. Чёрное крыло на запястье раскрылось огненной линией. Боль вспыхнула в груди — не физическая, глубже, страшнее, будто из сердца вытягивали нить, которая проросла в него слишком давно.

Яна всё-таки вскрикнула.

Зал услышал. Зал хотел этого звука. Она поняла это по тому, как многие лица на балконах просветлели, как Вельза Морн чуть приподняла подбородок, как верховный советник удовлетворённо сомкнул пальцы на навершии посоха.

Им нужна была её боль.

Не правосудие. Не истина.

Зрелище.

И тогда Яна, сквозь слёзы, сквозь огонь под кожей, схватилась свободной рукой за рукав Дариана.

— Посмотри на них, — выдохнула она. — Они не ждут правды. Они ждут, что ты сделаешь им красиво.

Его пальцы замерли.

На долю мгновения.

Этого хватило, чтобы она поняла: попала.

Дариан медленно поднял взгляд.

— Молчать.

— Нет, — сказала Яна, сама не веря, что способна спорить с человеком, который прямо сейчас разрывал её на части невидимой связью. — Ты можешь ненавидеть меня, можешь считать преступницей, можешь делать всё, что они требуют. Но если ты палач, а не нож в чужой руке, ты хотя бы должен видеть, кому служишь.

Воздух стал тяжёлым.

Дариан смотрел на неё так, будто она сказала нечто невозможное. Может быть, прежняя Селеста никогда бы так не сказала. Может быть, сказала бы иначе. Яна не знала. Ей было страшно до тошноты, но среди страха уже росло упрямое, злое желание выжить хотя бы назло этим людям в чёрных мантиях.

— Лорд Кроу, — резко произнесла Вельза Морн, — ритуал нельзя прерывать.

Дариан не ответил.

Его палец снова нажал на метку.

Боль ударила сильнее. Яна выгнулась, цепи зазвенели, круг ослепительно вспыхнул. Перед глазами поплыли тёмные пятна, но она почувствовала, как в груди что-то лопнуло. Не сердце. Нить. Чужая, огненная, связывавшая её с этим мужчиной.

В тот же миг зал наполнился звоном, будто разбилось огромное стекло.

Метка на руке Яны почернела и погасла.

Тишина после этого была такой плотной, что её можно было резать.

Дариан отпустил её запястье.

Яна едва не упала, но удержалась на коленях. Она не хотела дать им ещё одно удовольствие.

— Связь разорвана, — объявил верховный советник. — Дом Кроу отказывается от Селесты Арвен?

Все смотрели на Дариана.

Он стоял совсем близко, но теперь между ними была пустота. Не метафора — настоящая, холодная пустота, словно из воздуха выдернули тепло. Лицо его снова стало каменным.

— Отказывается, — сказал он.

Это слово добило не Яну.

Тело.

Селеста где-то глубоко внутри, в памяти мышц, в боли метки, в остатке чужой души будто беззвучно рухнула на колени ещё ниже. Яна почувствовала это и вдруг разозлилась за них обеих. За себя, которую бросили в этот кошмар без объяснений. За женщину, которую, возможно, судили без права голоса. За детей, чьи имена произносили как улику.

— Прекрасно, — сказала Вельза Морн. — В таком случае высшая кара может быть приведена в исполнение немедленно.

Серебряные цепи на руках Яны ожили. Их концы поползли по полу к центру круга, сплетаясь в тонкий сияющий узел. На возвышении кто-то начал читать слова на незнакомом языке, и от этих слов камни под коленями стали холоднее.

Высшая кара.

Теперь Яна поняла.

Смерть.

Второй раз за день? Или уже не день? Неважно. Где бы она ни была, кто бы ни украл её жизнь и ни отдал взамен чужую, умирать снова она не собиралась.

Она подняла голову.

— Вы боитесь меня живой, — сказала она достаточно громко, чтобы услышал зал. — Иначе не торопились бы так.

Вельза Морн резко сжала губы.

Верховный советник прищурился.

А Дариан Кроу посмотрел на неё так, будто только сейчас увидел впервые.

— Селеста Арвен, — произнёс советник, игнорируя её слова, — за предательство клятвы, посягательство на тайну драконьего рода, сокрытие сведений о детях крови и отказ назвать сообщников Совет Печати постановляет...

— Нет, — сказал Дариан.

Одно слово снова остановило зал.

Вельза медленно повернулась к нему.

— Лорд Кроу?

— Смерть слишком проста.

Яна почувствовала, как пальцы сами собой впились в ладони.

Вот оно. Не спасение. Новая форма наказания.

Дариан не смотрел на неё. Он смотрел на Совет.

— Она хотела детей, — сказал он. — Пусть получит их.

На балконах начался шум. Уже не шёпот — настоящий гул. Кто-то возмущённо поднялся. Кто-то прошептал имя короля. Верхний ряд мантий задвигался, как встревоженная стая.

Вельза первой вернула себе самообладание.

— Это невозможно. Дети закрыты решением Совета.

— Дети закрыты моей кровью, — ответил Дариан. — И моей же кровью будет назначена их надзирательница.

Яна резко подняла на него взгляд.

— Что?

Он наконец посмотрел на неё. В глазах не было тепла. Но там было предупреждение. Молчи.

Она не послушалась бы, если бы понимала, что происходит. Но она не понимала. А иногда, как ни противно это признавать, молчание давало больше шансов услышать лишнее.

— Лорд Кроу, — верховный советник говорил спокойно, но пальцы на посохе выдавали напряжение, — вы предлагаете передать обвиняемую в Чёрную башню?

— Под мой надзор.

— После всего, что она сделала?

— Именно после этого.

— Вы ручаетесь, что она не покинет башню?

— Она не выйдет оттуда без моего приказа.

Вельза Морн шагнула вперёд.

— А если она снова попытается добраться до детей?

Дариан чуть повернул голову.

— Тогда я сам приведу приговор в исполнение.

Яна холодно усмехнулась, хотя внутри всё дрожало.

— Как благородно.

Его взгляд метнулся к ней.

— Вы хотели жить, леди Арвен. Жизнь не всегда выглядит как милость.

— А вы часто называете милостью клетку?

— Только когда клетка мешает воронам доклевывать то, что осталось.

Она не сразу поняла, что он сказал. А когда поняла, по спине прошёл холод.

Он не просто наказывал её.

Он убирал её из зала. От Совета. От Вельзы Морн. От тех, кто хотел её смерти слишком быстро.

Но зачем?

Если он ненавидит Селесту, зачем оставлять её живой?

— Совет должен проголосовать, — жёстко сказала Вельза. — Это дело касается безопасности короны.

— Совет уже проголосовал, — отозвался верховный советник. — За высшую кару.

Дариан медленно повернулся к нему всем корпусом. Воздух вокруг него потемнел, будто тени от колонн потянулись к его плащу.

— А я напоминаю Совету, что дела рода Кроу исполняются рукой главы рода, пока дети крови не признаны короной публично. Вы можете казнить Селесту Арвен за предательство перед троном. Но если в обвинении остаются дети моего дома, то я имею право выбрать меру до закрытого слушания.

Старик молчал.

Зал тоже.

Яна почти физически ощутила, как между этими людьми натянулись невидимые нити власти. Закон против закона. Страх против страха. Дариан стоял один, но почему-то казалось, что за его спиной расправились огромные крылья.

Вельза улыбнулась первой.

— Как предусмотрительно, лорд Кроу. Вы всегда находите в законе ту дверь, которая открывается только вам.

— Потому что другие слишком заняты окнами, через которые удобно выбрасывать неудобных.

Слова были сказаны ровно, но по залу прошёл нервный смешок, который тут же подавили.

Верховный советник ударил посохом о камень.

— Селеста Арвен лишается прав истинной связи, имени при дворе и защиты королевских стен. До закрытого слушания по делу детей крови она передаётся под личный надзор Дариана Кроу и будет доставлена в Чёрную башню до захода солнца. Любая попытка покинуть пределы башни, заговорить с внешним миром или приблизиться к печатям рода без разрешения главы дома будет считаться признанием вины.

Цепи на руках Яны ослабли.

Не исчезли, но перестали жечь. Она вдохнула слишком резко и закашлялась. Никто не помог. Да она и не хотела, чтобы кто-то из них к ней прикасался.

Дариан надел перчатку.

— Поднимитесь, леди Арвен.

Она посмотрела на его протянутую руку.

Потом на лица Совета.

Вельза Морн больше не улыбалась открыто. Она была слишком умна для этого. Но в её глазах мелькнуло раздражение. Не поражение — нет. Скорее досада человека, которому испортили тщательно выстроенную сцену.

Яна поняла: в башне её ждёт не милость.

Но смерть в этом зале ждала точно.

Она проигнорировала руку Дариана и поднялась сама. Ноги дрожали так сильно, что на первом шаге она едва не упала, но удержалась. Серебряные цепи скользнули за ней, укорачиваясь, пока не превратились в тонкие браслеты на запястьях.

— Упрямство не доказательство невиновности, — тихо сказал Дариан, когда она оказалась рядом.

— А холодность не доказательство силы.

Он посмотрел на неё с таким выражением, будто хотел сказать что-то резкое, но передумал. Вместо этого взял её за локоть — крепко, официально, без лишней грубости — и повёл из круга.

Толпа расступалась.

Теперь в их взглядах было не только презрение. Было любопытство. Разочарование. Страх. Многие явно пришли увидеть красивый конец предательницы, а получили начало чего-то куда менее удобного.

Когда они проходили мимо Вельзы Морн, та наклонилась чуть ближе.

— Чёрная башня не любит чужих, Селеста. Особенно тех, кто уже однажды пытался открыть её двери не тем людям.

Яна остановилась бы, но Дариан не позволил. Его пальцы сильнее сжались на её локте.

— Лоредиана, — произнёс он не оборачиваясь, — ещё одно слово моей поднадзорной без моего разрешения, и я решу, что вы пытаетесь повлиять на закрытое дело дома Кроу.

— Вы угрожаете члену Совета?

— Я предупреждаю женщину, которая слишком часто путает Совет с собой.

Вельза замолчала.

Яна не видела её лица, но почувствовала это молчание как удар в спину.

У дверей их ждали стражи. Четверо в чёрных плащах, с серебряными застёжками в форме ворона. Не королевские. Люди Дариана. Они не смотрели на Яну с ненавистью. И это почему-то насторожило сильнее, чем злоба толпы.

Стоило дверям зала закрыться за ними, шум суда оборвался.

Коридор был длинный, ледяной, освещённый синими огнями в настенных чашах. За узкими окнами серел дождливый день. Где-то далеко гремел гром, хотя молнии не было видно.

Яна выдернула локоть.

На этот раз Дариан отпустил.

Она отступила на шаг, прижимая руки к груди, и впервые за всё время позволила себе посмотреть на него не как обвиняемая на судью, а как человек на того, кто, возможно, знает ответы.

— Кто я? — спросила она.

Он молчал.

— Не Селеста Арвен из ваших обвинений. Я не помню этот зал. Не помню Совет. Не помню тебя. Не помню детей. Я очнулась на камне и узнала, что меня хотят убить. Поэтому либо ты сейчас скажешь мне хоть что-то, либо я буду считать, что вы все одинаково безумны.

Один из стражей чуть заметно поднял брови.

Дариан даже не моргнул.

— Ты Селеста Арвен, дочь угасшего дома Арвен, бывшая истинная главы дома Кроу.

— Бывшая, — повторила она. Слово царапнуло внутри, но Яна не позволила себе показать это. — Это я уже слышала. А кто такая Яна Северина?

Впервые его лицо изменилось по-настоящему.

Не сильно. Но взгляд стал острым.

— Повтори.

— Яна Северина, — сказала она медленнее. — Это моё имя.

Тишина в коридоре стала неприятной.

Стражи переглянулись. Дариан сделал шаг ближе. Не угрожающе, но так, что отступить дальше было некуда: за спиной оказался холодный камень стены.

— Где ты слышала это имя?

— Я его не слышала. Я им жила.

Он долго смотрел ей в лицо. Слишком долго. Так смотрят не на лгунью, а на загадку, которую опасно признать настоящей.

— Селеста любила чужие маски, — наконец сказал он. — Эта новая?

Яна почувствовала, как злость снова поднимается из груди.

— Я не знаю, что любила Селеста. Я не знаю, кто она. Но если ты действительно был её истинным, то должен хотя бы заметить, что перед тобой не та женщина.

Его губы дрогнули. Не в улыбке.

— Я заметил.

Эти два слова прошли по коже холоднее цепей.

— Тогда почему?..

— Потому что заметил не только я.

Он бросил короткий взгляд в сторону закрытых дверей суда.

Яна проследила за ним и поняла: он говорит о Совете. О Вельзе. О старике с посохом.

— Они знают?

— Они подозревают.

— Что именно?

Дариан подошёл к окну. На мгновение его лицо отразилось в мутном стекле, и в этом отражении глаза казались не человеческими — слишком яркими, слишком древними.

— Что ты больше не та Селеста, которую они приговорили. А значит, можешь быть опаснее.

— Для них?

Он повернулся.

— Для всех.

Она хотела ответить резко. Хотела сказать, что это несправедливо, глупо, дико. Но слова застряли, потому что в глубине коридора послышались шаги. Быстрые. Много шагов. Стражи Дариана мгновенно выстроились между ними и поворотом.

Из-за угла появились двое королевских служителей с закрытым ларцом из чёрного дерева. За ними шёл писарь, держащий перед собой свиток.

— Лорд Кроу, — писарь поклонился так низко, что почти уткнулся носом в свиток. — Совет постановил передать вам браслеты надзора, печать доставки и ключ от северных ворот Чёрной башни.

— Только северных? — спросил Дариан.

Писарь побледнел.

— Так указано в постановлении.

Дариан взял свиток и даже не развернул.

— Передай верховному советнику: если хоть одна печать башни окажется изменена без моей крови, я вернусь в зал до заката.

— Я... передам.

Служители открыли ларец.

Внутри лежал один-единственный ключ.

Он был длинный, чёрный, с зубцами в форме маленьких крыльев. Когда свет из настенной чаши коснулся его, по металлу пробежала тонкая серебряная линия. Яна не знала, почему этот предмет заставил её сердце ударить быстрее. Может быть, потому что тело Селесты снова узнало то, чего она сама не помнила.

Дариан взял ключ.

В тот же миг браслеты на запястьях Яны сжались.

Она охнула. Не от боли — от неожиданного ощущения, будто невидимая нить потянула её вслед за ключом.

— Что это?

— Башня признала доставку, — сказал Дариан.

— Башня?

— Ты скоро её увидишь.

Она почти рассмеялась. Смех получился бы плохой, истеричный, поэтому Яна прикусила язык.

— Великолепно. Меня судили неизвестно за что, бывший истинный разорвал связь, теперь какой-то дом признал мою доставку. Здесь вообще есть что-нибудь нормальное?

Один из стражей кашлянул, пряча улыбку.

Дариан посмотрел на него, и тот мгновенно стал серьёзным.

— Нормальное закончилось в тот день, когда ты исчезла, — сказал Дариан.

Яна встретила его взгляд.

— Я не исчезала.

— Для меня — да.

В этом «для меня» было столько тихой тьмы, что она не нашлась с ответом.

Их вывели через боковой проход, минуя главные лестницы. Дворец оказался ещё больше, чем зал суда: коридоры с чёрными зеркалами, лестницы, уходящие вниз, арочные окна с видом на серый город, где крыши блестели от дождя. Снаружи ждал экипаж — высокий, закрытый, с гербом чёрного ворона и драконьего крыла на дверце.

Стражи рассредоточились вокруг.

Яна остановилась у ступеньки.

— Куда именно ты меня везёшь?

— В Чёрную башню.

— К детям?

Дариан не сразу ответил.

— Да.

— Они твои?

Вопрос вырвался сам. Она поняла, что он важен, ещё до того как увидела, как изменилось лицо Дариана. На мгновение в нём появилась такая ярость, что Яна пожалела о словах. Но ярость была направлена не на неё. Куда-то глубже.

— Они под моей кровью, — сказал он.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты имеешь право слышать сейчас.

Яна поднялась в экипаж сама, не дожидаясь руки. Дариан сел напротив. Дверца захлопнулась, отрезая их от дождя, двора и чужих взглядов. Внутри пахло кожей, холодным дымом и чем-то древесным. На стенках экипажа были вырезаны те же крылья, что и на ключе.

Колёса тронулись.

Первые минуты они молчали.

Город за окнами плыл серыми пятнами: мокрые мостовые, высокие дома с острыми крышами, редкие прохожие, которые при виде герба Кроу отворачивались или низко склоняли головы. Яна смотрела на них и пыталась собрать себя по кускам.

Её звали Яна Северина. Ей было двадцать восемь. Она жила в обычной квартире, работала с текстами, забывала поливать цветы, терпеть не могла холодный кофе и всегда переходила дорогу на зелёный. Она не верила в драконов, истинные связи и суды в каменных залах. Она не была Селестой Арвен.

Но её руки были руками Селесты. Её голос — голосом Селесты. Её сердце болело так, будто Дариан Кроу разбил именно его.

— Почему я жива? — спросила она наконец.

Дариан смотрел в окно.

— Потому что мёртвая ты удобна Совету.

— А живая удобна тебе?

— Живая ты можешь говорить.

— Но ты мне не веришь.

— Вера здесь давно никого не спасает.

— Тогда зачем тебе мои слова?

Он перевёл на неё взгляд.

— Чтобы понять, какие из них твои.

Яна замерла.

В этом был ответ. Не полный, но настоящий. Он не верил ей, но и не списывал всё на игру. Он искал разницу между Селестой и Яной. Значит, видел её. Пусть не так, как ей хотелось, но видел.

— Ты сказал в суде, что я хотела детей, — произнесла она осторожно. — Что это значит?

— Ты пыталась забрать их из башни.

— Зачем?

— Это я и хочу узнать.

— А если я не вспомню?

— Вспомнишь.

— С чего такая уверенность?

Дариан наклонился вперёд. В полумраке экипажа его глаза снова стали почти чёрными, только золотые искры горели глубже.

— Потому что башня помнит всех, кто входил в неё с ложью. И всех, кто входил с любовью. Если ты была там ради детей, она покажет. Если ради Совета — тоже.

От этих слов стало не легче.

— А если я вообще не та, кто туда входил?

Он молчал так долго, что Яна решила: не ответит.

Потом сказал:

— Тогда нам всем хуже, чем я думал.

Экипаж свернул с мостовой на подъём. За окнами город начал редеть. Дома сменились каменными оградами, потом мокрыми садами, потом голыми деревьями, чьи ветви скребли низкое небо. Дождь стал мельче, но холоднее. На горизонте проступило что-то тёмное.

Башня.

Сначала Яна решила, что это скала. Чёрный зуб, выросший из холма над городом. Но чем ближе они подъезжали, тем отчётливее становились стены, узкие окна, острые выступы, похожие на сложенные крылья. Башня не была высокой в обычном смысле — она была тяжёлой. Присутствующей. Казалось, она смотрит на дорогу и заранее знает, кто приближается.

На воротах не было герба короны.

Только ворон с раскрытыми крыльями и драконье кольцо вокруг него.

Экипаж остановился.

Дариан вышел первым. Когда Яна спустилась следом, браслеты на её запястьях вдруг потеплели. Не обожгли, не сжали — именно потеплели, как будто узнали воздух этого места.

Ворота башни были закрыты.

Дариан достал чёрный ключ.

— Стой рядом со мной и ничего не трогай.

— Прекрасный совет для человека в цепях.

Он посмотрел на её запястья.

— Это не цепи.

— А что?

— Обещание, что ты не умрёшь раньше, чем я решу, кто ты.

— Утешительно.

— Я не утешаю.

— Да, это у тебя пока получается лучше всего.

На этот раз он действительно посмотрел на неё иначе. Не мягко, нет. Но в уголке его рта едва заметно дрогнуло что-то похожее на тень усмешки. Оно исчезло так быстро, что Яна могла бы решить, что ей показалось.

Ключ вошёл в замок.

Башня вздохнула.

Именно так. Не скрипнула, не щёлкнула — вздохнула где-то глубоко в камне. По створкам ворот прошла серебряная рябь, чёрный металл разошёлся без усилия. Изнутри пахло холодом, пылью, старым деревом и чем-то неожиданно живым: тёплым хлебом, шерстью, детским страхом.

Яна переступила порог.

Внутри было темнее, чем снаружи, но не пусто. Высокий холл освещали узкие окна под самым потолком. На стенах висели потемневшие портреты, и лица на них казались слишком внимательными. В центре каменного пола был выложен круг из белого камня, похожий на тот, что в зале суда, только без цепей. От него расходились линии к лестницам, дверям, колоннам.

Стоило Яне войти, линии вспыхнули.

Дариан резко обернулся.

— Не двигайся.

Но было поздно.

Белый свет пробежал от пола к стенам, поднялся по колоннам, коснулся портретов. Где-то наверху хлопнула дверь. Потом ещё одна. Потом послышался топот.

Маленькие быстрые шаги.

Яна замерла.

На верхней лестнице появились дети.

Трое.

Старший мальчик лет восьми стоял впереди, худой, темноволосый, в слишком строгой для ребёнка серой куртке. Он держал за руку девочку помладше — тоненькую, с большими глазами и растрёпанной косой. За ними, наполовину прячась в тени, выглядывала совсем маленькая девочка с тёмными кудрями и испуганным лицом.

Дариан сделал шаг вперёд.

— Теон, назад.

Мальчик не послушался.

Он смотрел не на Дариана.

На Яну.

В его лице было столько напряжённого ожидания, что у неё перехватило дыхание. Девочка с косой прижала ладонь ко рту. Младшая вцепилась в перила, будто боялась, что пол исчезнет.

— Селеста, — тихо сказал Дариан, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на страх, — ни слова.

Но мальчик уже спускался.

Медленно. Осторожно. Как к призраку, который может исчезнуть от резкого движения.

Яна не знала, что делать. Не знала, кто эти дети. Не знала, почему при виде их у неё защипало глаза. Но тело Селесты снова помнило — руки сами чуть дрогнули, будто когда-то обнимали этих троих, поправляли воротник старшему, заплетали косу средней, укачивали младшую в темноте.

Мальчик остановился в двух шагах.

У него были глаза Дариана.

Такие же тёмные. Только без золота. Пока без золота.

— Ты вернулась, — сказал он, глядя Селесте прямо в глаза. — А нам сказали, что папа сам подписал тебе приговор.

## Дети без имени

— Ты вернулась, — сказал он, глядя Селесте прямо в глаза. — А нам сказали, что папа сам подписал тебе приговор.

В холле стало так тихо, что Яна услышала, как дождь царапает чёрные ворота снаружи.

Мальчик стоял перед ней слишком прямо для своих восьми лет. Худой, бледный, с пальцами, сжатыми в кулаки так крепко, что костяшки побелели. Взгляд у него был не детский — настороженный, больной и упрямый. Он не бросился к ней, не заплакал, не улыбнулся. Он будто боялся поверить собственным глазам и потому держал себя на расстоянии, чтобы, если она исчезнет, не упасть вслед за ней.

Яна смотрела на него и не могла произнести ни слова.

Папа сам подписал тебе приговор.

Слова ударили не только по ней. Дариан тоже услышал их, и что-то в нём изменилось. Не лицо — лицо осталось каменным. Но воздух рядом с ним стал тяжелее, гуще, будто в холл вошла гроза и остановилась за его плечами.

— Теон, — произнёс он тихо.

Мальчик вздрогнул, но не отступил.

— Вы сказали, что она не вернётся.

На верхней лестнице девочка с растрёпанной косой крепче прижала к себе младшую. Та спрятала лицо в складках её платья, но одним глазом всё равно смотрела вниз — на Яну, на Дариана, на серебряные браслеты на чужих запястьях.

— Я сказал, что её нельзя ждать у ворот, — ответил Дариан. — Это разные вещи.

— Нет, — мальчик резко мотнул головой. — Вы сказали Бриане: «Если Селеста войдёт сюда снова, не подпускайте детей». Я слышал.

Яна перевела взгляд на Дариана.

Он не посмотрел на неё. И от этого молчания стало ясно: мальчик говорил правду.

По стенам Чёрной башни пробежала слабая серебряная дрожь. Будто сам дом слушал и не знал, на чью сторону встать.

— Теон, вверх, — приказал Дариан.

— Нет.

Слово прозвучало негромко, но так отчётливо, что Яна невольно сжала пальцы. Мальчик боялся. Она видела это по тому, как часто поднималась и опускалась его грудь, по напряжению у рта, по тому, как он держал подбородок слишком высоко. Он боялся отца. Боялся её. Боялся самого факта, что сейчас внизу стояла женщина, которую он, кажется, ждал и одновременно страшился.

Но всё равно не ушёл.

— Ты не имеешь права говорить ей это, — сказал Дариан.

— А кому имею? — спросил Теон. — Стенам? Они и так всё знают.

На этот раз дрожь прошла уже по полу. Белые линии под ногами Яны вспыхнули, потянулись к лестнице и замерли у ступеней, словно не решаясь приблизиться к детям без разрешения.

Маленькая девочка пискнула.

— Теон, — прошептала девочка с косой, — не надо.

В её голосе была не просьба. Уговор. Такой усталый, взрослый, что у Яны внутри болезненно сжалось. Это были дети, но вели они себя как люди, которых давно научили считать каждый звук опасным.

Дариан сделал шаг к сыну.

Теон отступил.

Не сильно. На полшага. Но отступил.

И это вдруг ударило Яну сильнее, чем суд, цепи и чужая метка. В зале суда Дариан был страшен для всех. Здесь он тоже был страшен — но для собственного ребёнка. Или для ребёнка, который называл его папой, а это было важнее любых формулировок «под моей кровью».

— Не трогайте его, — сказала Яна.

Дариан наконец повернулся к ней.

— Вы не понимаете, во что вмешиваетесь.

— Конечно, не понимаю, — она подняла связанные браслетами руки. — Меня за сегодняшний день успели обвинить, отвергнуть, перевезти в башню, которая дышит, и поставить перед детьми, которые знают обо мне больше, чем я сама. Но я понимаю, когда ребёнок боится сделать шаг к собственному отцу.

Теон посмотрел на неё так, будто она сказала невозможное.

Дариан — так, будто она перешла черту.

— В этой башне вы будете говорить с детьми только с моего разрешения.

Он произнёс это так, будто ставил между ней и лестницей железную решётку. Но Яна заметила другое: Дариан не шагнул вперёд. Не потянулся к Теону, не велел стражам вмешаться, не сорвал с неё взгляд, хотя мог бы одним словом вернуть себе власть над холлом. На мгновение он смотрел на её поднятые руки — на браслеты, на дрожащие пальцы, на то, как она встала между ним и детьми, сама толком не понимая, зачем.

Майра, всё ещё стоявшая на ступенях, вдруг прошептала так тихо, что почти спрятала слова в дыхании: — Папа... она правда не отходит.

Дариан услышал. Яна поняла это по тому, как едва заметно дрогнула линия его рта. Он не смягчился, не отступил, но приказ в нём на мгновение потерял остроту, словно дети увидели не только её страх, но и его растерянность.

— Тогда разрешите.

— Нет.

— Почему?

— Потому что последний раз после ваших разговоров они пытались открыть южные двери.

На лестнице Майра — Яна почему-то сразу поняла, что девочка с косой и есть Майра, — побледнела.

— Мы не пытались, — сказала она слишком быстро.

Дариан посмотрел на неё.

Девочка сжалась, но взгляд не опустила.

— Мы просто хотели посмотреть, правда ли там небо другое.

— За южными дверями нет неба, Майра.

— Но Селеста сказала, что если правильно попросить башню, она покажет дорогу.

Дариан медленно перевёл взгляд на Яну.

И вот теперь в его глазах была ярость. Не огненная, не взрывная, а холодная, такая, от которой хотелось отойти к стене и не дышать.

— Что ещё она вам сказала?

Майра прикусила губу.

— Ничего.

— Майра.

— Я не скажу.

Дариан сделал шаг к лестнице, и все трое детей разом напряглись.

Яна поняла, что сейчас он сорвётся не криком — он был слишком выучен для крика. Он сорвётся приказом, холодным и железным, после которого дети уйдут наверх, двери закроются,

а она останется внизу с человеком, который снова станет палачом. И тогда первый тонкий мостик, случайно перекинутый между ней и детьми, рухнет.

Она не знала этих детей.

Но они знали Селесту.

И, кажется, надеялись на неё.

— Стойте, — сказала Яна.

Дариан даже не повернулся.

Тогда она сделала единственное, что пришло в голову: шагнула к белой линии на полу, той самой, что вспыхнула при её появлении, и опустила на неё ладонь.

— Селеста, не трогайте печати, — резко сказал Дариан.

Поздно.

Пол под пальцами оказался не холодным. Он был тёплым, почти живым. Камень дрогнул под ладонью, и от него вверх по руке поднялось странное ощущение — не боль, не жар, а узнавание. Как если бы старый дом, в котором ты никогда не бывала, вдруг распахнул окна и назвал тебя по имени.

Белая линия вспыхнула ярче.

Где-то в глубине башни щёлкнул замок.

Потом ещё один.

И ещё.

Дариан выругался сквозь зубы без слов — коротко, одним дыханием, так, что стражи у ворот одновременно положили руки на рукояти мечей.

— Что вы сделали? — спросил он.

— Ничего, — Яна сама испугалась, но руки не убрала. — Я просто коснулась пола.

— Башня не «просто» отвечает на прикосновения.

Теон смотрел на неё теперь совсем иначе. В его лице появилось то, от чего у Яны стало ещё страшнее: надежда.

— Она пустила её, — прошептала Майра сверху.

Маленькая Энни высунулась из-за сестры и тоже посмотрела на светящиеся линии.

— Ма... — начала она и осеклась, испугавшись собственного голоса.

Дариан услышал. Яна увидела, как это короткое незавершённое слово прошло через него сильнее любого обвинения Совета. Он не двинулся, не заговорил, но в его взгляде на мгновение мелькнула такая боль, что Яна потеряла готовую реплику.

Этот мужчина был не только палачом.

Но кем ещё — она пока не понимала.

Сверху послышался быстрый шорох шагов. По лестнице почти пробежала пожилая женщина в тёмном платье с высоким воротом. Седые волосы у неё были собраны в тугий узел, лицо — строгое, сухое, с глубокими складками у губ. Она остановилась между детьми и Дарианом, одним движением задвинув Майру и Энни себе за спину.

— Милорд, — сказала она, склонив голову. — Я не успела удержать их.

— Это заметно, Бриана.

— Башня открыла детскую дверь раньше, чем я дошла до поворота.

Бриана.

Значит, это та самая женщина, о которой упоминал Теон. Управляющая? Няня? Хранительница? В её взгляде, когда она посмотрела на Яну, не было ни радости, ни презрения. Только тяжёлая, настороженная усталость.

— Леди Арвен, — произнесла Бриана.

Она сказала «леди» без издёвки. И от этого титул неожиданно стал почти человеческим.

— Я не... — Яна замялась.

Не Селеста. Не леди. Не преступница. Не мать.

Сколько раз сегодня она пыталась сказать, кто она не такая? И ни разу это не помогло.

— Я не понимаю, почему башня реагирует на меня, — сказала она наконец.

Бриана посмотрела на Дариана.

— Может быть, потому что башня помнит не приговоры.

— Довольно, — сказал он.

— Милорд, дети видят её. Нельзя сделать вид, что она не вошла.

— Я не делаю вид. Я устанавливаю правила.

Он повернулся к Теону, и голос его стал ещё ровнее:

— Ты, Майра и Энни возвращаетесь в детские комнаты. Немедленно.

Майра вскинула голову.

— Но она только пришла!

— Именно поэтому.

— Вы опять заберёте её?

Дариан молчал.

И это молчание было ответом хуже любого «да».

Яна не выдержала.

— Нет.

Все посмотрели на неё.

Она сама не знала, откуда взялось это слово. Оно вырвалось раньше осторожности. Но, произнеся его, Яна вдруг поняла: назад уже не отступит. Не после того, как мальчик спросил о приговоре. Не после того, как маленькая девочка почти назвала её мамой. Не после того, как башня — живая, невозможная, страшная — отозвалась на её ладонь.

— Я не знаю, что сделала прежняя Селеста, — сказала она медленно, стараясь не сорваться на дрожь. — Не знаю, кем была для этих детей. Не знаю, почему вы все решили, что имеете право говорить обо мне так, будто я вещь, которую можно привезти, запереть и выдать по разрешению. Но они уже увидели меня. И если сейчас вы снова оттащите их наверх без единого ответа, вы накажете не меня. Их.

Теон стоял неподвижно.

Майра смотрела на неё широко раскрытыми глазами.

Энни совсем спряталась за Бриану, но маленькая рука всё ещё держалась за перила.

Дариан приблизился к Яне вплотную. Белые линии на полу потускнели, словно башня тоже затаила дыхание.

— Вы не имеете права использовать их против меня.

— А вы не имеете права прятать от них всё, что причиняет боль, и называть это защитой.

— Вы ничего не знаете о защите.

— Возможно, — сказала она тише. — Но я знаю, как выглядит ребёнок, которому слишком долго не говорят правду.

В его глазах вспыхнуло золото.

На мгновение Яна решила, что он сейчас прикажет стражам увезти её в самую дальнюю комнату, закроет все двери, а детей заставит забыть даже этот разговор. Но Дариан вдруг отвёл взгляд.

Не сдался.

Просто отступил внутрь себя.

— Пять минут, — произнёс он.

Бриана медленно выдохнула.

Майра сделала шаг вниз.

— Пять минут в холле, — жёстко уточнил Дариан. — При мне. Без прикосновений к печатам. Без вопросов о Совете. Без попыток открыть двери.

— А о приговоре можно? — спросил Теон.

Дариан посмотрел на сына так, что Яна почувствовала: этот вопрос он тоже задавал себе. Может быть, много раз. Может быть, каждую ночь.

— Нет.

— Тогда зачем пять минут?

— Чтобы ты увидел, что она жива.

— А потом?

Дариан не ответил.

Яна опустила на корточки, чтобы быть с Теоном почти на одном уровне. Браслеты на её запястьях тихо звякнули. Мальчик сразу посмотрел на них.

— Это он надел?

— Совет, — сказала Яна.

— Папа мог снять?

Она замялась.

За спиной стало холоднее. Дариан слушал.

— Не знаю.

— Он может всё, если хочет.

— Теон, — предупреждающе произнес Дариан.

Мальчик поджал губы, но не замолчал.

— Вы правда ничего не помните?

Вот теперь вопрос задел иначе. Без обвинения. Почти с отчаянием.

Яна могла бы соврать. Сказать, что помнит немного. Сказать то, что от неё ждали. Осторожная часть разума шептала, что так безопаснее: дети дадут подсказки, она разберётся, Дариан ослабит хватку. Но мальчик смотрел на неё слишком внимательно. Он уже жил среди взрослых, которые берегли тайны больше, чем его сердце.

Она не хотела стать ещё одной.

— Я помню не то, что должна, — сказала Яна. — Я помню другую жизнь. Другой город. Другое имя. А здесь... здесь я очнулась сегодня в зале суда.

Майра спустилась ещё на две ступеньки.

— Значит, вы забыли нас?

Слово «забыли» оказалось хуже, чем «предали».

Яна вдохнула, но воздух будто застрял между рёбрами. Она посмотрела на девочку — тонкую, бледную, упрямую, с косой, которая распалась почти наполовину. И вдруг перед глазами мелькнуло: маленькие пальцы в волосах, серебряная лента, смех в полумраке, тихий голос Селесты — или её собственный? — «Не туго?»

Воспоминание было таким коротким, что Яна не успела ухватить его.

Но Майра увидела, как изменилось её лицо.

— Вы вспомнили?

— Не знаю, — честно сказала Яна. — Было что-то. Лента. Волосы.

Девочка ахнула и прижала ладонь к растрёпанной косе.

— Вы всегда плели мне серебряную ленту, когда Совет должен был прислать смотрителя. Говорили, что если волосы убраны, страху не за что зацепиться.

Бриана отвернулась к стене.

Дариан закрыл глаза всего на миг.

А Яна поняла: прежняя Селеста не была для этих детей случайной надзирательницей. Кем бы её ни считали в суде, здесь, в башне, она оставила не только страх.

— Я не хочу врать вам, — сказала Яна. — Я не помню всего. Но я не хочу причинить вам вред.

— Все так говорят, — тихо ответил Теон.

— Да, — согласилась она. — Наверное. Поэтому слова мало что стоят.

Он внимательно посмотрел на неё.

— А что стоит?

Яна хотела сказать: поступки. Но это было слишком просто, слишком красиво, слишком по-взрослому. И, возможно, слишком пусто для мальчика, который уже слышал красивые слова.

Она посмотрела на его сжатые кулаки, на Майру, всё ещё держащуюся за перила, на Энни, которая пряталась, но не уходила.

— Время, — сказала она. — И то, что человек делает, когда ему неудобно говорить правду.

Теон нахмурился.

— Это вы сейчас про папу?

— Я сейчас про всех нас.

Майра вдруг спустилась до конца лестницы и остановилась рядом с братом. Бриана не удержала её, только тихо позвала по имени. Девочка посмотрела на Яну снизу вверх — не так, как Теон. Не с вызовом. С пристальным, почти пугающим вниманием, будто видела не лицо, а что-то под ним.

— У вас внутри два голоса, — сказала Майра.

В холле словно похолодало.

Дариан резко повернулся к ней.

— Майра.

Девочка вздрогнула, но договорила:

— Один плачет. Другой злится. Башня не знает, кого пускать дальше.

Яна почувствовала, как по спине прошёл ледяной холод.

— Ты... слышишь это?

Майра упрямо сжала губы.

— Иногда.

— С каких пор? — спросил Дариан.

Вопрос был слишком быстрым. Слишком острым.

Майра тут же отступила за Теона.

— Не скажу.

— Майра, это важно.

— Вам всё важно, когда нужно закрыть дверь.

Теон заслонил сестру плечом. Маленький, худой, почти смешной в своей попытке выглядеть взрослым. Но Яна не могла над ним смеяться. В этой башне дети учились защищать друг друга быстрее, чем доверять взрослым.

— Не давите на неё, — сказала она Дариану.

— Она не понимает, что сказала.

— Зато вы, похоже, понимаете. И это её пугает.

Он бросил на неё взгляд, в котором было предупреждение.

— Не делайте из себя их защитницу за пять минут.

— А вы не делайте из себя стену, если за ней им нечем дышать.

Бриана едва слышно сказала:

— Милорд, позвольте детям поесть внизу.

Яна чуть не вздрогнула от неожиданности. Просьба была простой, бытовой, но прозвучала как политическое заявление. В доме, где каждый шаг детей контролировался, возможность поесть внизу рядом с Селестой означала больше, чем тарелки и стол.

Дариан посмотрел на управляющую.

— Вы выбираете неудобный момент, Бриана.

— Других у нас давно нет.

Серебряные линии на полу снова слабо вспыхнули. Яна заметила: башня реагировала не на громкие приказы, а на то, что было сказано по-настоящему. На страх Теона. На боль Майры. На упрямство Брианы. На её собственное нежелание отступить.

Дариан тоже это видел.

— В малой столовой, — сказал он наконец. — Двери остаются открытыми. Стража у входа. Селеста садится отдельно.

— Я не собака, чтобы сидеть отдельно, — вырвалось у Яны.

Теон впервые посмотрел на неё почти с интересом.

Майра прикрыла рот рукой.

Даже Бриана моргнула.

Дариан медленно повернулся.

— Хотите спорить о рассадке?

— Нет. Я хочу понять, почему вы привезли меня к детям, если запрещаете им даже дышать рядом со мной.

— Потому что Совет должен поверить, что я наказал вас.

— Совет сейчас в этой столовой?

— Совет везде, где есть щели, слуги, письма и страх.

Ответ был слишком быстрым. И слишком правдивым.

Яна замолчала.

В первый раз за последние минуты она увидела не только тирана в собственном доме. Она увидела человека, который привык жить так, будто каждая стена может донести его слова врагу. Даже здесь, в башне, где пол вспыхивал от её ладони, он не чувствовал себя хозяином полностью.

— Тогда, может быть, для начала перестанем помогать Совету делать вид, что эти дети — преступление? — спросила она уже тише.

Дариан не ответил, но взгляд его дрогнул.

Малая столовая оказалась не такой мрачной, как холл. Тёмные панели на стенах, узкие окна с видом на мокрый сад, длинный стол, за которым вполне могла бы уместиться большая семья, если бы эта семья не боялась садиться рядом. В камине горел синий огонь — не яркий, но ровный. Над ним висел старый герб: ворон держал в клюве тонкое драконье кольцо.

Еды на столе было немного, но всё выглядело тёплым и настоящим: круглый хлеб, кувшин с молоком, запечённые яблоки с корицей, густая каша в тяжёлой миске, тарелка сыра. От запаха у Яны внезапно свело желудок. Она не помнила, когда ела. Сегодня? Вчера? В той жизни? В этом теле?

Энни тихо всхлипнула.

Не от страха. От того, что хотела к яблокам, но боялась отойти от Майры.

Бриана заметила первой.

— Энни, маленькая, иди ко мне.

Девочка покачала головой.

Её взгляд был прикован к Яне.

— Она не кусается, — шепнула Майра.

— Это пока не доказано, — пробормотал Теон.

Яна неожиданно для себя улыбнулась.

Не широко. Не весело. Просто уголки губ дрогнули. И напряжение в комнате стало на волосок меньше.

— Справедливое замечание, — сказала она. — Доказательств пока мало.

Теон насторожился, будто не ожидал, что взрослая женщина ответит ему всерьёз.

— Вы смеётесь?

— Нет. Соглашаюсь.

— Взрослые не соглашаются с детьми.

— Значит, мне повезло не помнить местные правила.

Майра тихонько фыркнула, тут же испугалась и посмотрела на Дариана. Тот стоял у входа, не садился, руки держал за спиной. Страж. Судья. Тень, из-за которой дети не могли расслабиться до конца.

Яна села не рядом с детьми, но и не на дальний край. На середину скамьи. Достаточно далеко, чтобы Дариан не сказал, что она нарушает приказ, и достаточно близко, чтобы Энни могла её рассмотреть.

Браслеты на её запястьях мешали. Они не стягивали руки, но при каждом движении тихо звякали, напоминая: она здесь не гостя. Не мать. Не хозяйка. Поднадзорная.

Энни услышала звон и нахмурилась.

Потом очень осторожно подошла к краю стола и показала пальцем.

— Бо-бо?

Слово было детское, почти лепет, но в комнате оно прозвучало как нечто бесконечно хрупкое.

Яна замерла.

Дариан тоже.

Майра прошептала:

— Она давно так не говорила.

Яна посмотрела на маленькую девочку. Та была крошечной, тонкой, с тёмными кудрями, упавшими на лоб, и огромными глазами. В этих глазах было слишком много осторожности для четырёх лет.

— Не очень, — мягко сказала Яна. — Просто неприятно.

Энни подошла ещё на шаг.

Дариан сразу выпрямился.

Яна, не глядя на него, положила руки на стол ладонями вверх, показывая, что не собирается хватать ребёнка. Энни смотрела на браслеты, на пальцы, на лицо. Потом вдруг достала из кармана маленькую деревянную птичку и положила на стол рядом с Яной.

— Чтоб не страшно, — едва слышно сказала она.

У Яны защемило глаза.

Она не взяла игрушку сразу. Почему-то казалось, что резкое движение разрушит всё. Поэтому она только наклонила голову.

— Спасибо. Она твоя?

Энни кивнула.

— Ворон.

— Красивый.

— Папин.

Дариан отвернулся к окну.

Теон заметил это, и лицо его снова стало закрытым.

— У папы всё вороны, — сказал он. — Вороны на воротах, вороны на плащах, вороны у стражи. А нас нет нигде.

— Теон, — тихо сказала Бриана.

— Что? Это правда.

Яна посмотрела на мальчика.

— Что значит «нет нигде»?

Он взял кусок хлеба, но не стал есть. Крутил в пальцах, крошки сыпались на стол.

— У настоящих детей есть записи в родовой книге. Есть день имени. Есть знак на двери. Есть портрет, когда им исполняется семь. Есть место в зале предков. У нас нет ничего. Даже

если мы разобьём окно, придёт мастер и скажет: «В детской неизвестного крыла повреждена рама». Не в комнате Теона. Не в комнате Майры. Не в комнате Энни.

Майра смотрела в тарелку.

Энни забрала деревянного ворона обратно и прижала к груди.

Яна медленно перевела взгляд на Дариана.

— Они официально не существуют?

Он не ответил сразу.

В этом молчании опять было слишком много закона.

— Их имена закрыты, — сказал он наконец.

— Это не то же самое.

— Для мира — то же.

— Для них — нет.

Дариан оторвался от окна.

— Если их имена откроют, Совет получит право вызывать их на проверку крови.

— И что тогда?

Бриана поставила кувшин на стол слишком резко.

Молоко плеснуло через край, белая капля потекла по тёмному дереву.

Дариан посмотрел на управляющую, потом на детей.

— Теон, Майра, Энни, выйдите.

— Нет, — сказала Яна одновременно с Теоном.

Мальчик удивлённо посмотрел на неё.

Она сама удивилась не меньше, но продолжила:

— Вы опять хотите говорить о них без них.

— Потому что есть вещи, которые детям слышать рано.

— А жить внутри этих вещей им не рано?

Тишина стала почти острой.

Дариан подошёл к столу. Не сел. Оперся руками о спинку ближайшего стула. В синих отблесках камина его лицо казалось резче, чем в холле.

— Вы хотите правды? Хорошо. Правда в том, что каждый из них несёт часть древней силы дома Кроу. Не символ, не красивую родовую сказку, а то, из-за чего дома когда-то сжигали друг друга под королевскими знамёнами. Теон слышит клятвы крови, даже если они произнесены за стеной. Майра видит следы будущих решений, если рядом с ними есть страх. Энни...

Он запнулся.

Маленькая девочка спряталась за деревянного ворона, будто игрушка могла закрыть её целиком.

— Энни открывает закрытое, — закончила Бриана вместо него.

Дариан бросил на неё тяжёлый взгляд, но не стал спорить.

Яна почувствовала, как холод ползёт от пальцев к локтям.

— Что значит «открывает закрытое»?

— Двери, печати, чужие замыслы, — сказала Бриана. — Иногда — то, что лучше бы осталось неподвижным.

— Бриана, достаточно.

— Нет, милорд. Недостаточно было четыре месяца. Недостаточно было, когда детей заставляли молчать в собственном доме. Недостаточно было, когда леди Арвен исчезла, а потом мы получили только приказ никому не подходить к южному крылу.

Четыре месяца.

Яна ухватила за это число.

— Селеста исчезла четыре месяца назад?

Дариан смотрел не на неё. На Бриану.

— Да, — ответила управляющая, не дрогнув. — В ночь, когда башня впервые закрыла от нас детские комнаты.

Теон поднял голову.

— Вы сказали, она ушла сама.

Дариан молчал.

— Вы сказали, — голос мальчика дрогнул, но он всё равно продолжил, — что она выбрала Совет.

Яна увидела, как пальцы Дариана сжались на спинке стула. Дерево тихо хрустнуло.

— Я сказал то, что должен был сказать, чтобы вы перестали ждать у ворот.

— Мы не перестали.

Это сказала Майра.

Очень тихо.

Без обвинения. И потому страшнее.

Дариан закрыл глаза. Когда открыл, лицо снова стало строгим, но усталость под ним проступила явнее.

— Если бы Совет понял, что вы ждёте её, они бы использовали это.

— Они и так всё используют, — сказал Теон.

— Поэтому вы будете делать, что я говорю.

— Чтобы опять ничего не знать?

— Чтобы жить.

Слово упало на стол тяжёлым камнем.

Дети замолчали.

Яна тоже.

Она вдруг поняла, что спорить с Дарианом легче, когда видишь только его власть. Труднее — когда за этой властью на секунду проступает страх. Не за себя. За них. За этих троих, которых он прятал так глубоко, что почти стёр из мира.

Почти.

И этим тоже ранил.

— А прежняя Селеста, — спросила Яна осторожно, — знала об их силе?

Дариан посмотрел ей прямо в глаза.

— Да.

— Она помогала их скрывать?

— Сначала.

— А потом?

— Потом решила, что знает лучший путь.

В его голосе опять появилась сталь.

— И поэтому вы ей не поверили, когда Совет обвинил её?

Он усмехнулся. Без радости.

— Вы хотите, чтобы всё было просто. Поверил, не поверил. Предал, защитил. Казнил, спас. Но простые слова редко выдерживают ночь, в которой исчезают дети.

У Яны пересохло во рту.

— Дети исчезали?

Майра уронила ложку.

Энни тихо всхлипнула.

Теон резко встал.

— Мы не исчезали! Мы просто пошли за Селестой!

Дариан повернулся к нему так быстро, что мальчик осёкся.

— Ты дал клятву не говорить о той ночи.

— Я ничего не клялся!

— Твоя кровь клялась.

— Я не просил такую кровь!

Камин вспыхнул синим пламенем.

Белые линии под дверью столовой засветились, словно башня попыталась войти в комнату. Браслеты на запястьях Яны нагрелись. Энни заплакала уже по-настоящему — тихо, испуганно, без слёз, как дети, которые привыкли плакать так, чтобы взрослые не слышали.

И это вдруг стало последней каплей.

Яна поднялась.

— Хватит.

Дариан резко посмотрел на неё.

— Сядьте.

— Нет. Вы оба сейчас кричите не голосом, а болью, и пугаете девочку.

— Я не кричал.

— Иногда ваш шёпот страшнее крика.

Он замолчал.

Теон стоял с побелевшим лицом, дышал часто, как после бега. Майра держала Энни за плечи и смотрела на Яну — с ожиданием. Снова. И от этого ожидания хотелось отступить, потому что Яна не знала, как быть той, кого они видят.

Но деревянный ворон лежал на столе рядом с её тарелкой.

«Чтоб не страшно».

Она обошла скамью и опустилась на корточки в нескольких шагах от Энни. Не рядом. Не слишком близко.

— Энни, — сказала она тихо, — я не подойду, если ты не хочешь.

Девочка всхлипнула и сильнее вцепилась в Майру.

— Хорошо. Я останусь здесь. Можно?

Энни кивнула почти незаметно.

Дариан стоял неподвижно. Яна чувствовала его взгляд спиной, но не обернулась.

— Я не знаю, что было в ту ночь, — продолжила она. — И не буду просить вас рассказывать, если нельзя или страшно. Но я точно знаю одно: если я здесь, мне нужно понять правила. Не для Совета. Не для суда. Для вас.

Теон недоверчиво прищурился.

— Какие правила?

— Например, какие двери нельзя открывать. Какие линии на полу нельзя трогать. Куда не ходить. Кого не слушать. Что делать, если башня снова начнёт светиться. И как не напугать Энни.

Маленькая девочка всхлипнула тише.

Майра посмотрела на брата.

Теон медленно сел обратно.

— Южные двери нельзя открывать, — сказал он после паузы. — Даже если за ними кто-то зовёт.

У Яны похолодели пальцы.

— Кто зовёт?

— Разные голоса.

— Чьи?

Он посмотрел на Дариана.

— Иногда мамин.

Слово «мамин» ударило по комнате так, что даже огонь в камине стал ниже.

Яна не знала, кого он назвал матерью — прежнюю Селесту, женщину до неё, память, надежду. Она только поняла, что не имеет права сейчас поправлять его. Не имеет права говорить «я не твоя мама» так, будто это просто уточнение. Для ребёнка это был не термин. Это была рана.

Дариан подошёл к камину и положил ладонь на каменную полку.

— Теон, хватит.

— Вы просили правила, — сказал мальчик Яне, будто отцу назло. — Ещё нельзя смотреть в чёрные зеркала после заката. Нельзя отвечать, если портреты зовут по имени. Нельзя брать письма у воронов с серыми кольцами. Нельзя оставлять Энни одну у закрытых дверей. Нельзя верить, если башня вдруг пахнет весной.

Яна слушала, и с каждым «нельзя» Чёрная башня казалась всё менее домом и всё более живой ловушкой.

— Почему весной?

Майра ответила вместо брата:

— Потому что весной пахло в тот день, когда Селеста ушла.

Бриана тихо поставила чашку перед Яной.

— Не ушла, — сказала управляющая.

Все замерли.

Дариан медленно повернул голову.

— Бриана.

Пожилая женщина побледнела, но взгляд не отвела.

— Простите, милорд. Я молчала четыре месяца. Но башня сегодня открыла ей вход. Если дом Кроу сам позвал её обратно, значит, моё молчание больше не служит детям.

— Вы не знаете, чему оно служит.

— Знаю. Страху.

Теон смотрел на Бриану так, будто впервые увидел в ней не только ту, кто поправляет воротники и следит за расписанием, а взрослую, способную сказать Дариану «нет».

Яна не дышала.

— Что значит «не ушла»? — спросила она.

Бриана перевела на неё взгляд.

— В ту ночь я видела леди Арвен у северной галереи. Она несла Энни на руках, а Теон и Майра шли рядом. Она не выглядела как женщина, которая бежит к Совету. Она выглядела как женщина, которая пытается спрятать детей от тех, кто уже вошёл в башню.

— Кто вошёл? — спросил Дариан.

Голос у него стал совсем тихим.

Бриана покачала головой.

— Я не видела лиц. Только серые кольца на перчатках.

— Почему вы не сказали раньше?

— Я сказала.

— Кому?

— Вашему человеку у ворот. Он ответил, что вы уже знаете.

В комнате стало пусто от тишины.

Яна смотрела на Дариана и видела, как в нём одна за другой встают детали, которые раньше не сходились. Его лицо не изменилось, но глаза стали страшными. Не для неё. Не для детей. Для кого-то невидимого, кто четыре месяца назад подделал не только факты, но и саму дорогу правды к нему.

— Кто был у ворот? — спросил он.

Бриана сглотнула.

— Капитан Роуд.

Один из стражей у двери резко вдохнул.

Дариан медленно повернулся к нему.

— Роуд умер на рассвете после исчезновения Селесты.

— Да, милорд, — сказал страж. — При падении с западной стены.

Яна поняла раньше, чем кто-то произнёс вслух.

Свидетеля убрали.

Бриана закрыла глаза.

— Мне сказали, это несчастный случай.

— В Чёрной башне не бывает случайных падений, — сказал Теон.

И голос мальчика снова стал слишком взрослым.

Дариан выпрямился.

— Все остаются в столовой. Никто не выходит без моего приказа.

— Куда вы? — спросила Яна.

— Проверять северную галерею.

— Я с вами.

— Нет.

— Да.

Он посмотрел на неё так, будто у него закончились терпение, время и желание объяснять.

— Вы под надзором. Не союзник.

— А северная галерея связана с той ночью, когда исчезла Селеста. Возможно, прежняя Селеста оставила там след. Башня реагирует на меня. Значит, если вы пойдёте без меня, можете не увидеть того, что она хотела показать.

Эта мысль родилась на ходу. Яна сама не была уверена, что права. Но белые линии под дверью вспыхнули ярче, будто башня решила поддержать именно её.

Дариан это заметил.

— Вы используете дом против меня?

— Нет. Дом использует меня против вашего упрямства.

Майра тихо сказала:

— Она права.

Дариан перевёл взгляд на дочь.

— Что ты видела?

Девочка сразу побледнела.

— Ничего.

— Майра.

— Я видела... — она сжала край платья. — Если она не пойдёт, дверь не откроется. А если дверь не откроется, ночью придут серые.

Бриана перекрестила пальцы старым знаком, который Яна не знала.

Дариан за несколько секунд стал ледяным.

— Серые кто?

Майра покачала головой.

— Не знаю. Они без лиц. Они ходят там, где башня не помнит имён.

Энни вдруг отпустила Майру и подбежала к Яне. Та едва успела раскрыть руки — не чтобы обнять, только чтобы не испугать. Девочка остановилась рядом, схватилась за край её платья и уткнулась лбом в ткань.

Яна замерла.

Дариан тоже.

Энни стояла совсем тихо. Маленькая, тёплая, дрожащая. И от этого прикосновения у Яны в груди снова вспыхнуло чужое воспоминание: тёмный коридор, быстрые шаги, ребёнок на руках, шёпот у самого уха — «Тише, звёздочка, башня нас спрячет».

Она невольно подняла руку и очень осторожно коснулась кудрей Энни.

Девочка не отстранилась.

Браслеты на запястьях Яны тихо щёлкнули.

Серебро потускнело.

Дариан увидел.

— Энни, отойди.

Девочка сильнее вцепилась в платье.

— Нет.

Это было второе слово. Маленькое. Упрямое. Живое.

Майра тихо заплакала, но тут же вытерла лицо рукавом.

Теон смотрел на отца с вызовом, в котором впервые появилась не только злость, но и просьба: не разрушай.

Дариан шагнул к ним, остановился и сжал пальцы.

— Селеста, если вы причините ей вред...

— Я не причиню.

— Вы не можете этого знать.

— Не могу, — честно сказала она. — Но могу сейчас не оттолкнуть ребёнка, который сам подошёл.

Он молчал так долго, что синий огонь в камине успел дважды дрогнуть.

Потом Дариан сказал:

— Бриана, дети остаются с вами. Теон, ты отвечаешь за сестёр, но не командуешь башней.

Майра, не смотри в линии. Энни...

Маленькая девочка повернула к нему лицо.

Он не сразу продолжил.

— Энни, отпусти леди Арвен.

Энни не двинулась.

Яна наклонилась к ней.

— Я вернусь, — сказала она тихо.

Девочка посмотрела на неё с недоверием, которое не должно было жить в четырёхлетних глазах.

— Все так говорят.

Те же слова, что у Теона. Значит, в этой башне дети давно разучились верить обещаниям.

Яна сглотнула.

— Тогда я скажу иначе. Я постараюсь вернуться. А если не смогу, ты будешь знать, что я не ушла молча.

Энни подумала.

Потом медленно разжала пальцы.

Дариан смотрел на Яну так, будто эта маленькая фраза почему-то ранила его сильнее обвинений.

Северная галерея начиналась за узкой дверью, которую раньше Яна приняла за часть стены. Башня открыла её не Дариану. Когда он приложил ключ, замок только глухо стукнул внутри и замолчал. Тогда Яна, чувствуя его раздражение почти кожей, коснулась двери пальцами.

— Если ты правда помнишь, — прошептала она не Дариану, а камню, — покажи.

Дверь открылась.

Без скрипа. Без звука. Слишком легко.

За ней тянулся длинный коридор с узкими окнами, выходящими на северный склон. Здесь было холоднее, чем в холле. Не просто зимне — заброшенно. По стенам ползли тонкие

белые прожилки, но многие из них были перебиты тёмными пятнами, будто кто-то когда-то гасил свет изнутри.

Дариан шёл первым. Яна — за ним, стараясь не смотреть слишком долго на его спину. После сцены с детьми что-то между ними изменилось, но не стало мягче. Скорее опаснее. Теперь она знала: он лгал им не из равнодушия. Он прятал правду, потому что считал её смертельно опасной.

А это значило, что спорить с ним будет труднее.

В середине галереи он остановился.

— Здесь?

Яна хотела сказать, что не знает. Но тело уже знало. Ладонь сама легла на стену под третьим окном. Камень был ледяным. Внутри браслетов тонко задрожало серебро.

— Здесь была дверь, — сказала она.

Дариан резко посмотрел на неё.

— Здесь никогда не было двери.

Яна провела пальцами по камню. Под ними проступила тонкая линия. Потом ещё одна. Очертание арки.

— Башня считает иначе.

Дариан подошёл ближе. Очень близко. Его плечо почти касалось её. Яна чувствовала от него холод улицы и сдержанный жар, который словно жил под кожей, не вырываясь наружу.

— Отойдите.

— Если отойду, она исчезнет.

— Я сказал...

— Дариан, — перебила она.

Он замолчал.

Имя снова ударило по нему. Но теперь в коридоре не было Совета, толпы, масок и гербов. Только башня, дождь за окнами и тёмная арка, проявляющаяся под её рукой.

— Я не знаю, почему это работает, — сказала Яна. — Но работает. Значит, сейчас важнее не то, доверяете ли вы мне, а то, хотите ли вы узнать, что случилось четыре месяца назад.

В его глазах мелькнуло золото.

— Вы слишком быстро научились говорить так, чтобы я не мог отказать.

— Нет. Просто вы слишком долго привыкали отказывать себе в правде.

Она сама не поняла, откуда взялись эти слова.

Может быть, от Селесты.

Может быть, от неё.

Дариан смотрел на неё ещё мгновение, потом достал чёрный ключ и приложил к центру проявившейся арки. Замок проступил из камня прямо под ключом. Щёлкнул.

Стена разошлась.

За ней оказалась маленькая комната без окон.

Не тайник с сокровищами. Не страшная темница. Детская.

Узкая кровать у стены. Стул. Полка с деревянными фигурками. На полу — разбросанные цветные мелки. На низком столике лежали листы плотной бумаги, придавленные гладким чёрным камнем.

Яна вошла первой, хотя Дариан пытался её остановить.

Комната пахла пылью, старой тканью и чем-то горько-знакомым: страхом, который долго держали взаперти. На стене неровной детской рукой были нарисованы три птицы. Одна большая и две маленькие. У всех были закрыты глаза.

Дариан застыл на пороге.

— Я не знал об этой комнате.

Его голос был таким, что Яна поверила сразу.

Она подошла к столу. Сверху лежал рисунок.

Белое платье.

Тёмные волосы.

Женщина стояла над тремя маленькими прямоугольниками, похожими на ящики. Нет. Не ящики. Гробы. У каждого была маленькая серебряная отметина: ворон, лента, звезда.

Теон. Майра. Энни.

У Яны похолодело всё внутри.

На рисунке рядом с женщиной в белом платье стояла высокая фигура без лица. Над ней ребёнок вывел чёрным мелком корону.

Дариан подошёл и увидел.

Его лицо стало страшным.

Не злым. Пустым.

— Это рисовала Майра, — сказал он.

Яна взяла лист дрожащими пальцами. Внизу была надпись. Неровная, детская, с буквами разного размера.

«Совет придёт в полночь».

## Палач, который боится своих детей

«Совет придёт в полночь».

Надпись казалась слишком маленькой для того холода, который она принесла в комнату.

Яна смотрела на неровные детские буквы и никак не могла заставить себя вдохнуть. Три маленьких гроба. Белое платье. Женщина без лица, но с тёмными волосами, слишком похожая на неё. Корона над чужой высокой фигурой. И эта строчка внизу — не просьба, не догадка, не игра испуганного ребёнка. Предупреждение.

В Чёрной башне, где стены дышали, двери исчезали, а дети слышали и видели то, чего не замечали взрослые, детский рисунок не мог быть просто рисунком.

Дариан стоял рядом.

Яна чувствовала его молчание всем телом. Оно стало плотным, тяжёлым, почти осязаемым. Ещё несколько минут назад он спорил, приказывал, запрещал, отрезал каждое её слово холодом. Теперь не говорил ничего. Только смотрел на лист в её руках, и на лице его не было той привычной каменной власти, за которой он прятался в зале суда.

Там, в суде, он казал

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.